

В десятку!

КТО-ТО ИЗ ЭКСТРАСЕНСОВ
СКАЗАЛ, ЧТО Я РОДИЛАСЬ
НА АЛЯСКЕ.

10

Эдит Мари Пьеха

В гостевой комнате Пьехи стояло девять букетов живых цветов, которые немного смягчали гнетущее впечатление от ободранных обоев и разбитых под новую электропроводку стен. Казалось, что для той же цели здесь выставлены и целые горы гжели, ибо в остальном помещение ничем не отличалось от тысяч других: старенькое фортепиано соседствовало с черной с «золотом» стенкой, а рядом с угловым диваном притулился обветшалый торшер. Пожалуй, об иностранном происхождении хозяйки квартиры напоминал только путающийся под ногами французский бульдог.

Мало кто знает, что Эдиту Станиславовну Пьеху зовут Эдит Мари. И потому самое удобное — это начать разговор с Парижа... Я выступала во французской столице два раза. Первый — в 65-м году, второй — в 69-м. Режим был железный: подъем в семь утра, холодный душ, а после бег в тапочках — на распродажу, где подешевле. От этой гонки я так уставала, что заглядывала в какое-нибудь кафе, выпивала кофе с коньячком или пятьдесят грамм джина с тоником и тут же приходила в себя: усталость как рукой снимало. И потому я понимаю людей, которые очень много работают умственно: они пьют просто для того, чтобы оставаться живыми. А русских людей я немножко не понимаю — если сядут пить, так пьют та-а-а-а!.. Вообще русские люди все делают по-настоящему... Как поэт живущий с вами в одном городе Розенбаум: «любить так любить, гулять так гулять, стрелять так стрелять»... Все правильно. Однако мы с вами договорились, что вопросы буду задавать я. Объясните мне, почему сейчас не пишут о творчестве исполнителя, предпочитая публиковать всякие глупости, как это делает, например, «Экспресс-газета»? Вы о той шумевшей публикации, где они обвинили вас в сырье концертов по причине пьянства? Перед приездом в Петербург я встречалась с автором этого материала, однако даже эта беседа не добавила мне понимания, что там было правдой, а что — нет... На самом деле было так: мы приехали в Литву на четыре кон-

— Да тут все что угодно...

Раздается первый звонок мужа из Москвы (за время нашего разговора соскучившийся супруг звонил трижды). Пьеха удаляется на кухню, а возвратившись, продолжает вроде бы исчерпанную тему совмещенных концертов в Литве. В какой-то момент доходит до слова «ярлык».

— Ну и пусть, — в запале произносит она, — на мне будет такой ярлык, пусть...

— Мне кажется, что это не самый страшный из ярлыков, которые вы могли на вас навесить. Наоборот, может быть, вы стали многим людям ближе. Представляете, прочитал человек статью и подумал: если сама Пьеха позволяет себе время от времени принять больше нормы, то мне и сам Бог велел. К тому же в России это, насколько я могу судить, не считается большим грехом...

— Огорчает то, что со мной очень не честно поступили, потому что самое простое — это сказать про артиста, что он напился и потому не вышел на сцену. И хотя на самом деле это было не так, я не обижаясь — говорите, пожалуйста. Когда я была еще очень молодой артисткой, в какой-то газете написали, что меня пьяную, в одежде выносили из концертного зала...

— Простите, в одежде, я не ослышалась? — Именно в одежде. Вообще-то фантазия человеческая — это хорошая штука. Но я считаю, что помимо нее есть еще человеческие совесть и порядочность, которые должны быть прежде всего. Давайте закончим с этим.

— По мне так это давно уже надо было сделать... Перед звонком вашего супруга я говорил, что, понав в подъезд, где витают... э-ээ... как бы это выразиться... (спасает неопределенное движение рукой), я был

живет мой супруг, любимый мною Володенька, я его Вовчей называю, у него двухкомнатная небольшая квартира с моим гардеробом концертным... Но для меня невозможно там жить. А ему невозможно жить в Питере...

— И как же в такой ситуации быть? — Это вы меня спрашиваете? Наверное, получится в конце концов что-нибудь. Съедемся, я так думаю...

Постепенно разговор переходит на творчество. Пьеха уверяет, что рада тому обстоятельству, что-де все возвращается на круги своя: как начинала эстрадную карьеру с небольших залов на тысячу-другую мест, к тому и приходит снова. Вспоминаются разного рода поклонники, и тут уж мне ничего не остается, как поинтересоваться: не входит ли в обязанности домоправительницы Веры нечто вроде телохранилища, так как женщина она с виду крепкая.

— Вера — тоже поклонница, только бывшая...

— Бывшая, вероятно, потому, что стоило ей увидеть, что же на самом деле творится в доме Пьехи...

— Просто она член семьи — с того самого 69-го. У нее никого нет, она одна. И она не просто помощник, а именно домоуправительница — она управляет моим домом и моим хозяйством, я уже забыла, как это делается, разучилась.

— То есть если в свое время в фильме «Неисправимый лун» вы записали Георгию Вицину брюки, то теперь вы на подобные подвиги не способны?

— Ну почему же? Я все умею делать, потому что мне все время приходится учиться. И богата я не деньгами, а жизненным опытом. Если говорить по-ленински, я середнячок. И что самое интересное —

никогда не играю в кого-то. Если я устала, то говорю, что устала, если мне нездоровится, я говорю, что мне нездоровится. Понимаете? Просто я живу той жизнью, которая мне дана, не изображая никого. Есть артисты, которые играют большую часть своей жизни, разыгрывают на «Кадиллаках», одеваются исключительно от Версаче... А у меня все проще: эту кофту (Пьеха указывает на веселенькую теплую кофточку, в которой она сидит передо мной) мне подарила на восьмое марта моя костюмерша — она знает, что я всегда очень мерзну. Эти штаны (моя собеседница начинает мять вельветовые брюки, привлекая к ним таким образом внимание) мне подарила моя Верка. Я простая очень...

— С такой же легкостью каждый из нас может как повторить ваше высказывание, так и сказать о своей сложности. Только не подумайте, что я пытаюсь поставить его под сомнение. Просто, боюсь, многим это может показаться позерством, а не откровенным...

— Но я действительно простая. И изменить меня нельзя, поэтому и жить шикарно я бы не сумела. Хотя... кто-то из экстрасенсов сказал, что я живу на этой земле уже тринадцатый раз и что я родилась на Аляске.

— Вы считаете, что это походит на правду?

— А все к тому ведет. Например, вы удивитесь, я ем сырую рыбу.

— Но если бы вы на самом деле родились на Аляске, то, полагаю, кроме любви к сырой рыбе унаследовали бы еще и стойкость к холоду и не мерзли в России. Или это не связано с температурой?

— Не связано — у меня низкое давление. Но говорить об этом я не очень люблю — артист должен быть всегда красивым и здоровым... Просто сейчас у меня пошла какая-то моя полоса. Но, я надеюсь, и из этой ситуации найдется выход — так, как удалось поменять электропроводку в квартире, найду клочок, чтобы сменить проводку в организме, и он будет нормально работать.

— Беседа с вами полна неожиданностей — не проходит и десяти минут, чтобы вы меня чем-нибудь не поразили...

— Это потому, что все говорят мне: КАКАЯ ВВ! Добавляя: красивая, жизнерадостная, молодая. И я понимаю — людям нравится говорить всякие хорошие слова. А я делю все это на четыре... В разговор неожиданно вклинивается совсем было позабытый фотограф, с придыханием и почти в экстазе произносящая: вам нельзя не говорить комплименты!

— Я не верю комплиментам (фотограф понимающе кивает), но благодарна людям, которые не разучились говорить добрые слова. Вообще доброта — великая вещь. Многие спрашивают, почему я выгляжу моложе своих лет. Да потому, что я не злая... А многие, и вы, наверное, догадываетесь об этом, уверены, что любой артист, выглядящий моложе своих лет, достиг этого исключительно при помощи пластических операций, сделанных где-нибудь в Швейцарии.

— Можно делать пластические операции, и кто-то делает их, но я считаю, что это не надо афишировать — артист не должен быть жалким. Но я никаких пластических операций не делала. Правда, скажу вам по секрету, к своему столетию я намерена что-либо с собой сделать, но — не в Швейцарии: я знаю очень хорошие упражнения для лица и для тела...

В этот момент Пьеха начинает строить мне рожи, то выкатывая глаза, то раздвигая щеки. Потеряв на несколько секунд дар речи, я все же прихожу в себя, ибо невидящая поясняет: это и есть те самые чудотворные упражнения, при помощи которых можно убрать с лица все ненужные отпечатки времени.

— И конечно, — добавляет она, — надо не жалеть денег и покупать хорошие кремы. Как только стало возможно ездить за границу, я стала покупать хорошую, качественную косметику — это мне очень помогало.

Окончание на стр. 12

«ЧЕРЕЗ ГОД МНЕ БУДЕТ СТО ЛЕТ»

церта, а состоялся всего один. Мы сидели в этой Паланге, бездельничали и только тратили деньги... Потом мы все же выступили в Клайпеде, но нам заплатили только одну треть гонорара, сказав, что доплатят в Вильнюсе. Когда мы туда добрались, помогавшие на гастролях литовцы отказались что-либо делать: им не заплатили. И тут ко мне подходит администратор театра. Я ей говорю: до тех пор, пока нам всем не заплатят, мы выступать не будем. Отвечает: вам заплатят после. Нет, говорю, так не пойдет. В результате я прославилась. На этот раз — как пьяница.

— Я, честно говоря, так и не понял: куда же тогда деть свидетельство администратора? — О том, что я лыка не вязала? Да я могу повторить все, что произнесла в тот момент.

Я сказала (Пьеха делает серьезное лицо и начинает еще более тщательно выговаривать каждое слово): мне работать невозможно потому, что радисты отказались поставить аппаратуру. Она мне (теперь ее голос больше напоминает о существовании на свете особ, даже голос у которых, кажется, существует только для того, чтобы подчеркнуть всю их вредность, тупость и идиотизм): у нас есть один микрофончик и две колоночки, и вы прекрасно отработаете.

Я ей (голос возвращается в прежнее чеканное состояние): понимаете ли, в былые времена, может, и работали в один микрофончик, но теперь этих времен нет.

К тому же мои музыканты стали интересоваться, куда они будут подключать электронные инструменты. Не будем об этом...

— Не я начал этот разговор. Честно говоря, я вообще не хотел говорить на эту тему. Куда интереснее тот факт, что, как правило, знаменитости живут в чистеньких домиках, а у вас... Пьеха разводит руками со словами «смотрите сами».

— Я не имел в виду квартиру. Речь о доме вообще. У меня такое впечатление, что вашу лестницу давно облобовали бомжи.

почти шокирован. Я это к тому, что большие артисты живут более шикарно, а у вас все как-то обидливо, скромно.

— Мне подарили электрочайник. Внуку понравились величественные, по его представлениям, размеры, и он настоял, чтобы его включили. В результате стореда вся электропроводка и мне пришлось раскошелиться на четыре миллиона и сделать новую, попутно разбив почти все стены квартиры. Как говорится, нет худа без добра: после этой неприятности я заказала мастеров и собираюсь сделать капитальный ремонт.

— С чайником и разбитыми стенами мне все более-менее понятно. Однако вопрос был чуть-чуть не о том...

— Я человек скромный и не претендую на шикарные квартиры. Мне нравится эта. Приезжайте через год и сами увидите, во что она превратится: у меня ведь уже все закуплено — и обои красивые, и кафель... Я полюбила эту квартиру — нам ее дали в 69-м году...

— Я-то грешным делом подумал, что вы ее выбрали специально — чтобы с видом на концертный зал «Октябрьский»...

— В то время здесь стояла огромная роскошная греческая церковь, а концертный зал был выстроен позже...

Певцу опять отекают. Разобравшись в каком-то запутанном вопросе, она оборачивается и на одном дыхании выдает:

— Значит, живу я — х-ххорошо, и мне здесь нравится.

— А говорят, что в последнее время вы больше времени проводите в столице.

— Что?! Я бываю в Москве, там

мне нравится эта роль. Если бы я была очень богата, наверное, дом ломился бы гостями, а сейчас ко мне приходят только самые близкие люди — чужих людей я не люблю. Я очень уважаю журналистов... Кстати, я хотела перед всеми журналистами извиниться за реплику...

— Я слышал ее от человека, кото-

Эдит Мари с супругом — Владимиром Поляковым.

рому вы, собственно, и выдали, что все мы — ублюдки.

— Да-да-да-да... Но это неправда... На самом деле я вас глубоко уважаю, потому что именно благодаря вам многие артисты обрели известность. А еще я уважаю свою публику — за постоянство. Конечно, ее не прибавляется, потому что в основном мои почитатели где-то на десять лет младше меня, а если считать, что на будущий год мне будет сто лет — сорок на сцене, а остальные по жизни, — считайте сами...

— Удивительно, что о своем возрасте вы говорите безо всякого стеснения. Не ожидал, если честно.

— Если бы все после бесед со мной давали мне кассеты, уже была бы книга, которую бы я назвала «Я есть, какая я есть». Понимаете, я

Э.М. Пьеха:

«...Мне будет сто лет»

Окончание. Начало на стр. 10

— В замужествах?

— Вы, видимо, забыли, что я дважды вдова.

— Извините — беседуя с вами, можно забыть о многих вещах. Но только не о том, что ваш нынешний супруг работает в Кремле. Он, кстати, не ушел оттуда в связи со сменой главы президентской администрации?

— Нет. Просто теперь он не первый помощник у руководителя этой структуры, а аналитик в аппарате президента. Что, признаюсь, для меня даже лучше — у него теперь больше свободного времени.

— Признаться, он ведь пытался подбить вас на участие — рядом с Роланом Быковым, Никитой Михалковым или, скажем, Владимиром Винокуром — в предвыборных шоу Бориса Ельцина?

— Нет. У нас договоренности: он — политолог, а я — артистка, которая никакого отношения к политике не имеет. — Довольно строгое разграничение сфер влияния. У вас и дома есть нечто похожее? Или, предположим, может быть, есть какие-то обязательства друг перед другом: например, видаться не менее десяти раз в месяц?

— Нет — все, как получится. Если я свободна, я звоню мужу и говорю ему: лечу, встречай. И он встречает — у самого трапа и с огромным красивым букетом. Если же он приезжает ко мне, то непременно привозит подарки для внуков — он их очень балует. А я его за это всегда ругаю.

— То, что балует внуков — это хорошо. Однако он имеет некоторое отношение к первой персоне государства, а я знаю, что у вас от этой самой персони нет даже какой-нибудь скромной медали...

— Я надеюсь, что в Кремле кто-нибудь вспомнит о том, что на будущий год Пьеха сто лет, и даст какую-то награду...

Кирилл ЛИТМАНОВ.